

В третьем номере журнала «Современник» за 1838 год была напечатана поэма Лермонтова «Казначейша». Слово «Тамбовская» цензоры сняли. Название города в самом тексте тоже заменили буквой «Т» с точками. Стражи печати сочли, видимо, невозможным полностью назвать город, где происходили описываемые в поэме события. Сильно пострадал после «редактирования» и текст поэмы. И. И. Панаев в своих «Воспоминаниях» пишет, как возмущался Михаил Юрьевич произволом цензуры: «Он держал тоненькую розовую книжечку «Современника» в руке и покушался было разорвать ее, но г. Краевский не допустил его до этого. «Это черт знает, что такое! позволительно ли делать такие вещи! — говорил Лермонтов, размахивая книжечкою... — Это ни на что не похоже!» Он подсел к столу, взял толстый красный карандаш и на обертке «Современника»... набросал какую-то карикатуру».

Цензура «обработала» поэму по понятным причинам. Лермонтов без прикрас нарисовал в ней картину жизни захолустного губернского города, который «на карте генеральной окружностью означен не всегда», показал сонное царство, застой российской дворянско-чиновничьей провинции.

Но, несмотря на то, что текст произведения сильно пострадал от цензуры — не только официальной, но и редакционной, она сразу же стала популярной среди читателей. Под ее впечатлением Василий Андреевич Тропинин в 1841 году создает картину «Казначейша». И ныне посетители Государственного Русского музея в Ленинграде узнают в ней жену старого тамбовского казначея Бобковского. При этом многие из них вспоминают строчки лермонтовской поэмы:

... А глаза.
Ну что такое бирюза?
Что небо?
А этот носик! эти губки,
Два свежих розовых листка!
А перламутровые зубки,
А голос сладкий как мечта!

И вот ее муж, задлый картежник

...проиграл коляску, дрожки.
Трех лошадей, два хомута,
Всю мебель, женины сережки,
Короче — все, все дочиста.

Дело дошло до самой Авдотьи Николаевны...

Недолго битва продолжалась;
Улан отчаянно играл;
Над стариком судьба смеялась —
И жребий выпал... час настал...
Тогда Авдотья Николаевна,
Встав с кресла, медленно и плавно
К столу в молчанье подошла —
Но только цвет ее чела
Был страшно бледен. Обомлела
Толпа. Все ждуть чего-нибудь —
Упреков, жалоб, слез... Ничуть!
Она на мужа посмотрела
И бросила ему в лицо
Свое венецальное кольцо...

Со времени появления поэмы в «Современнике» прошло без малого полтора века. Но до сих пор точно неизвестно, когда ее Лермонтов написал (рукопись не сохранилась). Одни литературоведы называют 1838 год — год напечатания поэмы в журнале, другие — 1837-й, третьи — 1836-й, когда поэт ездил в отпуск в Тарханы и по пути останавливался в Тамбове.

Но ведь об остановке в Тамбове можно тоже только догадываться, строить предположения. Достоверных свидетельств, подтверждающих, что Михаил Юрьевич посетил этот город, нет. Поэт не упоминает Тамбов ни в одном письме (правда, их сохранилось до обидного мало), не сделал ни одного «тамбовского» рисунка, хотя был великодушным рисовальщиком, оставил в путевых альбомах и тетрадках много дорожных заметок и зарисовок. (Тамбов того времени запечатлел один из ближайших друзей Пушкина поэт Василий Андреевич Жуковский, побывавший в городе летом 1837 года во время путешествия по России со своим воспитанником, будущим императором Александром II. Сделанные им в городе рисунки ныне хранятся в Государственном литературном музее в Москве).

А. Блок, горячо интересовавшийся жизнью и творчеством Михаила Юрьевича, писал: «Почвы для исследования Лермонтова нет — биография нищенская. Остается «проникнуть» Лермонтова... Когда роют клад, прежде разбирают смысл шифра, который укажет место клада... Лермонтовский клад стоит узорных трудов».

Какое счастье, что до нас дошло письмо Михаила Юрьевича к М. А. Лопухиной от 15 февраля 1838 года, в котором он писал (по-французски): «Я был у Жуковского и по его просьбе отнес ему «Там-

бовскую казначейшу» (два последних слова написаны по-русски; подчеркнуто мною. — Б. И.); ...он понес ее к Вяземскому, чтобы прочесть вместе; им очень понравилось, напечатано будет в ближайшем номере «Современника». Это письмо дает основание утверждать, что поэма была закончена в конце 1837 или в самом начале 1838 года.

А как же насчет посещения Лермонтовым Тамбова?

С нетерпением ожидая приезда любимого Мишеля в родные края, Е. А. Арсеньева в октябре 1835 года писала внуку: «...хотя Тарханы и Пензенской губернии, но на Пензу ехать с лишком двести верст крюку, то из Москвы должно ехать на Рязань, на Козлов и на Тамбов, а из Тамбова на Кирсанов в Чембар...» Есть все основания предполагать, что Лермон-

Михаилу Юрьевичу не переночевать у него, чтобы рано утром поспешить к давно ожидавшей его бабушке, у нее встретить Новый год? До Тархан уже рукой подать — неполный день езды. По-видимому, рано утром 31 декабря проехал он по набережной.

...Когда сквозь пелену тумана
Едва проглядывает Цна,
Когда лишь купола собора
Роскошно золотит Аврора,
И, тишины известный враг,
Еще безмолвствовал кабак...

по трем прямым тамбовским улицам, увидел два трактира — «один «Московский», а другой «Берлин»...

Конечно, на Большой улице (ныне Советская) ему не могли не показать дом картежников Протасевых. Азартные игры

Михаил Юрьевич возвращался тоже через Тамбов. И сделал здесь еще одну короткую остановку. Этого достаточно, чтобы иметь довольно точное представление о внешнем облике небольшого городка.

Но в поэме подробно описаны жизнь Тамбова, быт его жителей. За несколько часов обо всем этом узнать просто невозможно. От кого же узнал поэт подробности? И подробности довольно достоверные. Литературовед Л. Прокопенко нашел даже документы, подтверждающие, что в Тамбове останавливался, проходя на маневры, полк, в котором служил штаб-ротмистр Н. П. Гарин. Не беда, что в «Тамбовской казначейше» фигурируют уланы, а Н. П. Гарин служил в драгунском полку. Лермонтов писал не исторический трактат, а поэму, потому имел право на домыслы.

Подробности о жизни тамбовских обывателей мог рассказать Лермонтову выдающийся грузинский поэт, боевой генерал русской службы, человек прогрессивных взглядов Александр Гарсеванович Чавчавадзе, проведший в Тамбове под секретным надзором полиции конец зимы и начало весны 1834 года. В заштатный — пусть и губернский — российский город генерал Чавчавадзе был сослан из своего имения Цинандали за подозрение в заговоре грузинских аристократов, мечтавших о восстановлении грузинского престола и династии грузинских царей.

Прибыв в ссылку 18 февраля, Чавчавадзе обратился к своему хорошему знакомому фельдмаршалу Паскевичу с просьбой выхлопотать ему разрешение приехать в Петербург для личного объяснения с императором. Николай I ходатайство Паскевича уважил. Об этом говорит сообщение военного министра тамбовскому гражданскому губернатору: «Государь император высочайше соизволил разрешить находящемуся ныне на жительстве в г. Тамбове генерал-майору князю Чавчавадзе приехать в С.-Петербург».

Из Тамбова Чавчавадзе выехал в Петербург в начале мая. Он поселился вместе со статистиками-экономистами В. С. Легиновым, И. Н. Калиновским и младшим братом бывшего в 1829—1831 годах грузинским гражданским губернатором П. Д. Завалейского — Михаилом на Фонтанке в доме № 64, рядом с Семеновским мостом.

В это же время в Петербурге жила Прасковья Николаевна Ахвердова (до замужества Арсеньева), очень близкий для Чавчавадзе человек еще по Тифлису. Она приходилась пусть и дальней, но родственницей Лермонтову, дружила с его бабушкой Елизаветой Алексеевной, постоянно встречалась с ней. О том, что с Прасковьей Николаевной встречался и Лермонтов, убедительно говорит найденное И. Л. Андрониковым в Актюбинске (в 1948 г.) письмо Михаила Юрьевича к Е. А. Арсеньевой. «Милая бабушка, — пишет он. — Так как время вашего приезда (в Петербург) подходит, то я уже ищу квартиру, и карету видел, да высока. Прасковья Николаевна Ахвердова в мае сдает свой дом, кажется, что будет для нас годиться»...

ИЗ ИСТОРИИ

тов воспользовался советом бабки, зная, что Астраханский и Саратовский тракты, в отличие от тракта на Нижний Ломов, содержались в более или менее приличном состоянии.

20 декабря 1835 года корнету «его императорского величества лейб-гвардии гусарского полка Михаилу Лермонтову, сыну Юрьеву» было дозволено уйти в испрашиваемый отпуск «по домашним обстоятельствам», а в самый канун 1836 года он был уже в Тарханах. Значит, на всю дорогу (тысяча с лишним верст) ушло не более десяти дней, считая остановку в Москве. В Тарханы приходилось поспешать, долго не задерживаясь на почтовых станциях. Скорее всего, последнюю остановку в пути он сделал поздно вечером 30 декабря в Тамбове.

В городе у него были близкие знакомые, и среди них приятель по Московскому университетскому пансиону Иосиф Романович Грузинов, служивший в земском суде. Предки Грузинова вышли из Грузии и носили фамилию Мамчевадзе. В середине XVIII века его прадед Роман Мамчевадзе поселился на Дону, и донские казаки нарекли его Грузиновым (так бабки становились Башкировыми, а поляки — Поляковыми). Отцу Грузинова — Роману Осиповичу за примерную службу в лейб-казачьем полку в 1797 году было «высочайше пожаловано» имение в Лесном Тамбове. Дослужившись до майора, он вышел в отставку и поселился в губернском центре, женившись на тамбовской помещице Ольге Андреевне Давыдовой. 25 декабря 1812 года у Грузиновых родился сын Иосиф, будущий приятель Лермонтова, которому поэт посвятил стихотворение «К Грузинову». Почему бы

«ТАМБОВСКОЙ

в карты продолжались здесь неделями, проигрывались целые состояния:

...крапленые колоды
Не раз невинные доходы
С индеек, масла и овса
Вдруг пожирали в полчаса.

И совсем не случайно в «Тамбовской казначейше» описан случай, как местный старый казначей проиграл в карты свою жену.

Лермонтоведы давно обратили внимание на то, что в творчестве Михаила Юрьевича все пережито прежде, чем сказано, все видно прежде, чем художническая кисть положила увиденное на картину. Совсем маленькая деталь. Вскоре после приезда к бабушке Лермонтов писал своему другу С. Раевскому: «Я теперь живу в Тарханах в Чембарском уезде, слушаю, как под окном воет метель (здесь... снег в сажень глубины...)». Скорее всего, такие же снега он видел и в Тамбове. И не преминул упомянуть об этом в повести «Бэла». Описывая свое пребывание на Кавказе и путешествие по Чертовой долине, он сообщал: «Эта долина была завалена снеговыми сугробами, напоминавшими довольно живо Саратов, Тамбов и прочие милые места нашего отечества».

Вполне вероятно, что в Петербург Ми-

Если Прасковья Николаевна приходилась Михаилу Юрьевичу родственницей и они в Петербурге встречались, то вполне вероятно, что она познакомила его и с Чавчавадзе. Эту версию выдвигает и И. Л. Андроников. Тем более Лермонтов был уже известен как автор напечатанной в журнале «Библиотека для чтения» и снискавшей успех у читателей поэмы «Хаджи Абрак». Мстителю и молодому поэтам было о чем поговорить. Конечно, и о Тамбове, в котором Лермонтов только что побывал проездом. Он поведал о своих мимолетных впечатлениях, а о подробностях жизни провинциального городка мог рассказать Александр Гарсеванович. Он-то почти за три месяца ссылки хорошо узнал тамбовские нравы, был очевидцем картежных игр — любимого развлечения местных купцов и дворян.

Еще более вероятной становится встреча Лермонтова с Чавчавадзе в его имении Цинандали. За стихи на смерть Пушкина Михаил Юрьевич был сослан на Кавказ, в Нижегородский драгунский полк, стоявший недалеко от Тифлиса и еще ближе к имению Чавчавадзе, к тому времени вернувшегося в родную Грузию. По-видимому, мысль назвать жениха Тамары «властителем Синодала» возникла у Лермонтова в Цинандали, когда он гостил у Чавчавадзе. О том, что поэт не мог ми-

новать имяне замечательного сына Грузии, говорят строки из истории Нижегородского драгунского полка. Ее автор утверждает, что в 30-х годах «с Цинондами у нижегородцев... была кровная связь». Да и как могло быть иначе, если сам Александр Гарсеванович всего восемь лет назад был его командиром, пользовался большой любовью у солдат и офицеров. Следует упомянуть и о том, что в свое время полк размещался в Тамбове. Тогда им командовал С. Д. Жихарев — близкий родственник С. П. Жихарева, переводчика, театрала, автора «Записок современника», знакомого А. С. Пушкина по литературному обществу «Арзамас», членами которого они состояли.

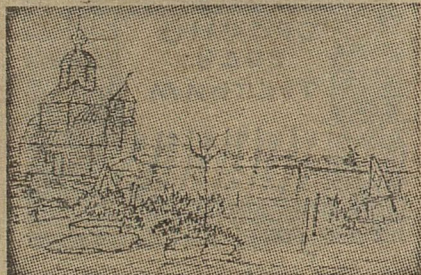
Ну, а сами тамбовцы всегда чтити автора «Тамбовской казначейши», без сомнений, считали и считают, что Михаил Юрьевич останавливался в их городе.

В конце семидесятых годов прошлого века было решено соорудить памятник поэту в Пятигорске. В стране проходил сбор средств на сооружение монумента. Одними из первых сделали взнос на осуществление благородного замысла тамбовские крестьяне.

Учитель рисования тамбовского реального училища Иван Петрович Фрейман, окончивший Петербургскую академию художеств, принял активное участие во втором туре конкурса на создание проекта памятника Лермонтову. В апреле 1883 года «Художественные новости» информировали читателей: «Эксперты, приглашенные комиссией по конкурсу на сооружение памятника М. Ю. Лермонтову в Пятигорске, рассматривали... представленные на конкурс проекты этого памятника. На конкурс явилось 65 проектов в эскизных набросках и моделях. Лучшими из них эксперты признали два... Исполнителями их оказались преподаватель рисования И. П. Фрейман и скульптор Р. Р. Бах».

В третьем, заключительном, туре конкурса первый приз завоевал А. М. Опекушин, автор незадолго перед тем сооруженного в Москве памятника А. С. Пушкину. Поскольку один из пунктов условий конкурса предусматривал, что автор окончательного проекта может использовать «премированные идеи», то есть варианты поощренных ранее проектов, А. М. Опекушин использовал общую композиционную схему скромного фреймановского варианта.

В 1914 году отмечалось столетие со дня рождения великого поэта. 28 августа

в городскую управу Тамбова обратился с прошением инспектор народных училищ губернии М. Т. Кашков. «Имею честь, — писал он, — покорнейше просить управу войти в городскую думу в ближайшем ее заседании с ходатайством... о переименовании Теплой улицы в улицу «Лермонтова» и о присвоении имени поэта предположенному к разведению на месте разветвления Теплой и Дороховой улиц садику, в котором впоследствии можно поставить и бюст поэта в память его пребывания в Тамбове». (Подчеркнуто мною. — Б. И.).

С одноименной просьбой обратились в городскую управу и жители Теплой улицы. Прощение о переименовании улицы Теплой в улицу Лермонтова было удовлетворено. Сквер же был разбит в советское время. В июле 1941 года, в первые недели Великой Отечественной войны, в нем открыли скромный памятник поэту.

И еще один интересный факт. В Тамбове прожила свою долгую жизнь Елизавета Владимировна Купфер, приходившаяся Лермонтову внучатой племянницей. Она многие годы преподавала иностранные языки в Тамбовском педагогическом институте, заведовала кафедрой английского языка. Бабка Елизаветы Владимировны — Елизавета Николаевна Арсеньева была родной дочерью Николая Николаевича Арсеньева — троюродного брата М. Ю. Лермонтова. Это тот самый Н. Н. Арсеньев, которому Михаил Юрьевич посвятил великодушное стихотворение:

Дай бог, чтоб ты не соблазнялся
Приманкой сладкой бытия,
Чтоб дух твой в небо не умчался,

КАЗНАЧЕЙШИ»

Чтоб не иссякла плоть твоя;
Пусть покровительство судьбины
Повсюду будет над тобой,
Чтоб ум твой не вскружили вины
И взор красавицы молодой;
Ланиты и вино нередко
Фальшивой краскою блестя;
Вино поддельное, кокетка,
Для головы и сердца — яд!

Стихотворение это было написано рукою Лермонтова в небольшом альбоме в переплете из красного сафьяна, который хранился, как семейная реликвия, у Е. В. Купфер.

Не узнать ныне города, в котором развиваются события «Тамбовской казначейши». О его теперешнем облике хорошо сказал тамбовский поэт Иван Кучин:

Тамбов на карте генеральной
кружком означен
навсегда!

НА СНИМКАХ:

- «Казначейша». Картина художника В. А. Тропинина.
- Тамбов. Рисунок В. А. Жуковского. 1837 г.
- Памятник М. Ю. Лермонтову в Тамбове.
- А. Г. Чавчавадзе.